

Е. Л. Березович, Е. Э. Иванова
**К РЕКОНСТРУКЦИИ ИМЕН МИФИЧЕСКИХ НАРОДОВ
 В ГОРНОЙ МИФОНИМИИ УРАЛА***

doi: 10.30759/1728-9718-2023-4(81)-132-142

УДК 7.046:94(470.5) ББК 81.03+94(235.55)

В статье анализируется горная мифонимия Урала — обозначения сверхъестественных антропоморфных существ, хранящих богатства недр (минералы и металлы) и способствующих или препятствующих их обнаружению, добыче и обработке, при этом для непосредственного рассмотрения выбраны мифонимы, мотивированные названиями народов, которые, по преданиям, были древнейшим населением края, проживали в горах, ямах, курганах и т. д. Материал извлечен из диалектных словарей, фольклорных текстов, записок путешественников и др., а также собран в полевых условиях в 2020–2023 гг. Используются главным образом западноуральские, среднеуральские и южноуральские данные. Особое внимание уделяется топонимам и апеллятивным ландшафтным терминам. Выявляются мотивировки мифонимов, а также культурный контекст, связанный с названиями. Изучаются следующие мифонимы: *чудь*, *дивьи люди*, *стары люди*, *суксуны* (*соксуны*), *шайтаны*, *шуты*. В некоторых случаях для них могут быть указаны народы-прототипы или обобщенные группы таких народов (для *чуди*, скорее всего, вымершие финно-угорские племена); в других случаях номинации (в языке-источнике) отражают признаки дикости, первобытности (*дивьи люди*), предшествования нынешним народам (*старые люди*), типичных действий (*суксуны*). Языковые факты и стоящие за ними верования и фольклорные тексты образуют достаточно жесткую систему, в которой наблюдаются разного рода взаимодействия: языковые аттракции; взаимодействие фольклорных мотивов, из которых самым распространенным оказывается локативный — проживание в горах, курганах и проч., далее — мотивы хранения кладов, самозахоронения в землянках.

Ключевые слова: *мифонимия, семантическая реконструкция, этимология, этнолингвистика, русская диалектная лексика, Урал*

Горная мифонимия — обозначения сверхъестественных существ, которые, по народным верованиям, хранят богатства недр (минералы и металлы) и способствуют или препятствуют их обнаружению, добыче и обработке. Русская горная мифология изучалась фольклористами, но лингвистический аспект затрагивался крайне редко. Представляется логичным выбрать в качестве объекта изучения горную мифонимию Урала (понимаемого в широком смысле), знаменитого на весь мир своими минералами и металлами, а также традициями их разработки. В статье используются главным образом запад-

ноуральские, среднеуральские и южноуральские данные. Материал извлечен из словарей, фольклорных текстов, трудов путешественников и пр., а также собран в полевых условиях (в ходе опроса горщиков — лиц, ведущих любительский сбор драгоценных и цветных камней, камнерезов, ювелиров и др.); полевые записи хранятся на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета.¹

Горная мифонимия может быть разделена на несколько групп в зависимости от тематической группы лексики, лежащей в основе мифонима. Нами был проведен общий предварительный обзор этих групп, а также подготовлены работы о мифонимах, образованных от лексики неживой природы и от социальной лексики.² В предлагаемой вниманию читателя

Березович Елена Львовна — чл.-корр. РАН, заведующая кафедрой русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации, Уральский федеральный университет (г. Екатеринбург)
 E-mail: berezovich@yandex.ru

Иванова Елена Эдуардовна — к.филол.н., доцент кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации, Уральский федеральный университет (г. Екатеринбург)
 E-mail: paklina.len@yandex.ru

* Работа выполнена в рамках проекта «Взаимодействие культурно-языковых традиций: Урал в контексте динамики исторических процессов», финансируемого Минобрнауки России (тема № FEUZ-2023-0018)

¹ Ссылки на материалы даны под сокращением [ЛТЭК] (картоотека-источник — «Лексика, топонимия, этнография камня»).

² См.: Березович Е. Л., Иванова Е. Э. К реконструкции горной мифонимии Урала: мифонимы, мотивированные лексикой неживой природы // Антропологический форум. 2023. № 58. С. 209–246; Березович Е. Л., Иванова Е. Э. К реконструкции системы горной мифонимии Урала: общий обзор // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: Материалы V Международная научная конференция. Екатеринбург, 7–11 сентября 2022 г. Екатеринбург, 2022. С. 18–26; Иванова Е. Э. К изучению горной мифонимии Урала: мифонимы, мотивированные социальной лексикой // Известия УрФУ. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2023. В печати.

статье анализируются мифонимы, образованные от названий народов, то есть этнонимов. В данном случае речь идет о мифических народах, которые не всегда могут быть этнически идентифицированы.

Чудь

Сначала будут описаны мифонимы, в основе которых слово «чудь» (с вариантами), потому что за ним стоит наиболее обширный комплекс представлений, практически перекрывающий смыслы, связанные со всеми другими мифонимами.

Чудь (*чудь*, *чудь белоглазая*, *чудаки*, *чучки* и др.) — мифический народ, которому, согласно верованиям русских Урала, Европейского Севера и Сибири, приписываются свойства инородцев, антагонистов-нехристей, мифических предков.³ Слово «чудь» входит в ряд этнонимов в собирательной форме (*весь*, *лопь*, *корела* и др.), отражающей восприятие чужих народов как нерасчлененного целого; этимологически оно является сложным, но наиболее вероятно принадлежность его к гнезду праслав. **tjudjь* — ‘чужой’.⁴ При этом экспрессивная фонетика и близость к лексемам «чудо», «чучело» и проч. обусловила многочисленные контаминационные процессы, в результате которых появились формы «чудаки», «чудеса» (что подпитывается представлениями о сверхъестественных свойствах чуди) и проч.⁵

«Чудские» нарративы фиксируются на Урале как минимум со второй половины XVIII в. и по сей день. Исходно слово «чудь», означало, очевидно, «чужого» и не было этнонимом с конкретным значением. Затем на разных территориях за чудью нередко закреплялись более узкие значения, связанные с народами-аборигенами, соседями, участниками военных столкновений: чаще всего это были финские племена.

Об обозначениях чуди на Урале (в Прикамье) писала Е. Н. Полякова.⁶ В книге В. П. Кругляшовой есть раздел «Предания о чудских копях»,

где анализируются народные представления о чуди как о металлургах и рудокопах;⁷ причем этот мотив автор считает наиболее ранним из зафиксированных. Этому мотиву выделено особое место и в работе Е. Г. Власовой, которая проанализировала специфику описания чуди в текстах «ученых путешествий» (П.-С. Палласа, И. И. Лепехина, П. Н. Рычкова) по Уралу конца XVIII в.⁸ Мотив рудознательства чуди, по всей видимости, можно признать специфически уральским (в меньшей степени сибирским); на Русском Севере он практически не встречается.

Таким образом, в связи с изучением горной мифонимии Урала нам интересны те мотивы преданий о чуди, которые так или иначе связаны с подземным миром, недрами, добычей и обработкой металлов и минералов. Приведем основные из них:

- *локус*: чудь живет в земле — в ямах, горах, курганах, буграх / уходит под землю (в том числе для самопогребения);

- *занятия и действия*: чудь роет, копает (подчас подобно животным), находит, добывает, охраняет, обрабатывает медь (чаще всего), железо, серебро, золото, реже минералы; уходит под землю, чудь «закрывает гору» (чтоб никто не мог добыть сокровища);

- *следы чуди*: о былом пребывании в горах или ямах и занятиях чуди свидетельствуют чудские копи, клады, могилы и т. д.; часто такие места и клады являются заговоренными (пробклятыми), до них невозможно (трудно) добраться.

Поскольку нами рассматривается лингвистический аспект «чудской» проблемы, мы видим цель в том, чтобы привести факты с лингвистической маркировкой: семантические и семантико-словообразовательные дериваты слова «чудь», устойчивые сочетания с участием слова и его дериватов. Среди этих фактов особое место занимают «чудские» топонимы и апеллятивные топографические термины типа *чудские бугры*. Грань между именами собственными и нарицательными в данном случае очень зыбкая — особенно если учесть, что большой пласт информации приходится извлекать из письменных источников (записок путешественников и проч.) или фольклорных

³ См.: Березович Е. Л. Чудь // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. М., 2012. Т. 5. С. 560–562.

⁴ См.: Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М.; Новосибирск, 2000. С. 670.

⁵ См.: Березович Е. Л. О некоторых аспектах концепции чуда в языковой и фольклорной традиции Русского Севера // Концепт чуда в славянской и еврейской традиции. М., 2001. С. 95–116; Она же. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: мифопоэтический образ пространства. М., 2010. С. 189, 190, 194, 195.

⁶ См.: Полякова Е. Н. Память языка: Рассказы о лексике пермских памятников письменности и говоров. Пермь, 1991. С. 60–74.

⁷ См.: Кругляшова В. П. Жанры сказочной прозы уральского горнозаводского фольклора. Свердловск, 1974. С. 47–66, 68–73.

⁸ См.: Власова Е. Г. Чудь в «ученых путешествиях» по Уралу конца XVIII века // Смышляевский сборник: исследования и материалы по истории и культуре Перми. Пермь, 2010. С. 58–64.

текстов, не нацеленных на дифференциацию лингвистических тонкостей. Значимость и многочисленность «чудских» топонимов и топографических терминов объясняется особой ролью мотива «чудских следов», а этот мотив имеет все основания для того, чтоб быть запечатленным в топонимии, имеющей огромную консервирующую силу — и хранящую среди прочего память о местной истории.

Перечень «чудской» топонимии Урала приводит, в частности, Л. М. Майданова: «Большая часть топонимов с этнонимом чудь зафиксирована на территории Среднего Прикамья, а также в верховьях Чепцы и Вятки. Другая часть их находится за Уралом, на юге Свердловской и в северных районах Челябинской областей. За Уралом эти названия располагаются к югу от территории, занятой угорской этнотопонимикой».⁹ За последние десятилетия появились новые сведения о «чудской» топонимии, но, кажется, они не меняют ареальный аспект проблемы принципиально.

Среди всей совокупности «чудских» названий (как топонимов, так и нарицательных именований) нам нужны те, которые указывают на *рудознательство* чуди, *горный локус*, связанный с ее жизнью и смертью, а также на *сокровища*.

Из терминологии рудознательства наиболее частотно сочетание «чудская копь (копань)», фигурирующее и в топонимии, и в апеллятивной лексике. По сути, это сочетание шагнуло из народной речи в археологическую (геологическую) терминологию, где употребляется в значении «следы древних горняцких разработок (преимущественно меднорудных)». Одним из первых сообщил о таких копиях путешественник и географ XVIII в. Н. П. Рычков. В его труде «чудские копи» — обозначение любых копей (заброшенных рудников, ям, где якобы есть следы горной добычи), которые оставлены, по преданиям, какими-то народами прошлого.¹⁰ Академик Лепехин рассказывал о *чудских копиях* практически в те же годы. В его труде указаны новые мотивы в образе чуди-рудокопов: чудь добывает лучшую руду, но делает это «по-звериному», отковыривая ее кабаньими клыками.¹¹

Чудские копи отмечаются и по сей день, фиксируются, к примеру, в записях разговоров с информантами-горщиками в 2021–2023 гг.: «*Чудских копей* много по Уралу: в районе Сысерти, Полевского и на Южном Урале. Когда начали Урал осваивать, Татищев и де Геннин издали указ: искать чудские копи. По ним и находили руду. На Гумёшках *чудская копь* была, там чудь медь добывала, но и малахита много было. Чудь малахит тоже плавила, как и руду. Когда копь вскрыли, нашли орудия их труда» (Свердловская обл., Пригородный р-н, с. Кайгородское); «*Чудских копей* полно в округе. Чудики жили тут. Старики говорили, у них нога и рука были медные. Копались в земле, добывали камешки, руду» (Свердловская обл., Верхняя Сысерть) [ЛТЭК].

Редко упоминаются и *чудские ямы*. Слово «яма» на Урале может употребляться как в общенародном рельефном значении, так и в значении «копь» [ЛТЭК]. Именно в последнем смысле используется слово в составе топонима «*Яма Чуди белоглазой*», отмеченном нами в окрестностях г. Полевского Свердловской области: «За Полевским, в районе речки Зюзелки, ближе к Дегтярке есть *Яма Чуди белоглазой*. Там чудь добывала сернистое железо. А белоглазая — потому что были они со светлыми глазами, видимо, предки финских племен. Сейчас эта яма заброшена, но мы в ней копались» (Свердловская обл., Пригородный р-н, с. Кайгородское) [ЛТЭК]; около Полевского есть и *Чудская копь*. О двух чудских ямах в Глазовском уезде пишет Н. Г. Первухин, указывая, что в обеих чудь похоронила себя, услышав звон колоколов.¹² Множество *чудских ям* описал С. И. Сергеев, посвятивший им специальную работу по итогам своего путешествия вниз по Яйве от деревни Камень (Селище) до села Романова (свыше 200 верст).¹³ *Чудские ямы* есть у деревни Нелоба в окрестностях Верхней Салды (предполагается, что там жили вогулы).¹⁴ В Очерском районе Пермского края,

¹² См.: Первухин Н. Г. По следам чуди. У верховьев реки Камы // Материалы по археологии восточных губерний России, собранные и изданные Императорским Московским археологическим обществом. М., 1896. Вып. 2. С. 128, 160.

¹³ См.: Сергеев С. И. Отчеты члена УОЛЕ С. И. Сергеева об изучении «чудских ям» и городищ на реках Яйва и Колва, а также Дивьей пещеры в 1890-х годах // Записки УОЛЕ. 1901. Т. 22. URL: <https://uraloved.ru/issledovaniya-chudskih-yam-i-gorodishch-na-rekah-yajve-i-kolve> (дата обращения: 08.06.2023).

¹⁴ См.: Кривошеков И. Я. Словарь Верхотурского уезда Пермской губернии с общим историческо-экономическим очерком и приложением карты уезда в границах по административному делению России в 1734 г. Пермь, 1910. С. 575.

⁹ Майданова Л. М. Ареалы финно-угорской этнонимии Урала // Вопросы топониматики. Свердловск, 1962. Вып. 1. С. 31.

¹⁰ Рычков Н. П. Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства в 1769 и 1770 году. СПб., 1770. С. 118, 124.

¹¹ Лепехин И. И. Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского Государства. СПб., 1772. Ч. 2. С. 97.

недалеко от деревни Кунгур, отмечается *чудская (чучья) яма*.¹⁵

О рудознательстве чуди напрямую говорят и сочетания с другими терминами горного дела, например, «*чудской ширф*»,¹⁶ «*чудская штольня*». ¹⁷ На берегу Яйвы (Пермская губерния) отмечается *чудская кузница*: «У самой деревни на поле крестьяне указывают место, где была, по их мнению, *чудская кузница*, так как они находили в этом месте в большом количестве шлак». ¹⁸ О связи представлений о чуди с добычей руды говорит и параллелизм названий «*Чудская гора*» — «*Большое Рудное городище*» в Глазовском уезде.¹⁹ Подобные факты помогают интерпретировать топоним «*Чудская Рудница*», функционирующий за пределами Урала (в Гдовском р-не Псковской области). С. Е. Мельников считает, что, «судя по суффиксу *-иц-*, название произошло от неканонического славянского имени *Руда* через форму *Рудниччи* (или *Рудницы* по-псковски), которая обозначала принадлежность к роду или семейству». ²⁰ Думается, совсем не нужно обращаться к редкому неканоническому имени, если более вероятна производность от *руд-* — ‘руда’, что подтверждается и сочетаемостью с прилагательным «*чудской*».

Из ландшафтной лексики для нас интересна такая, которая указывает на собственно локус чуди. Выше уже упоминались многие ландшафтные термины, связанные с чудью. Среди них обозначения как отрицательного рельефа (*чудские пещеры*, *чудские ямы*, которые могут иметь как «горняцкое», так и локативное значение), так и положительного (*чудские горы*, *чудские бугры*, *чудские курганы* и

т. п.). Вот еще несколько примеров: *Чуцкие бугры* в низовьях Тавды [ЛТЭК], *Чучкова гора* у деревни Бор Суксунского района Пермского края: «Там чучкí жили, ямы есть на горе», «На горе тысячу лет назад жил народ маленького роста — чучкí, а потом вымерли» [ЛТЭК], *Чудакова горка* в Чебаркульском районе Челябинской области [ЛТЭК], *Чудские горки* у Севастьяновского поселка (Миясская станица, Челябинский уезд)²¹ *Чудская гора* у села Романова на правом берегу Яйвы,²² *Чудской холм* у села Екатерининского в Глазовском уезде;²³ *чучкие курганы* у поселка Крылатовское Свердловской области [ЛТЭК] и др.

С чудью связываются и *могилы*, обнаруживаемые (обычно вместе с кладами), по преданиям, в горах, курганах, буграх, ямах (нередко сами бугры и курганы воспринимаются как могилы чуди). Так сочетание «*чудские могилы*» отмечается на разных территориях, в том числе в Оренбуржье.²⁴ В бассейне Яйвы (Пермская губерния) фигурируют и *чудские могилки*: «У леса, по направлению течения реки, видны рядами небольшие ямы... Ямы эти старики называют *чудскими могилками*». ²⁵ В Шадринском уезде Пермской губернии встречаются *могилицы чудаков*.²⁶ В дореволюционных источниках нередко используется также сочетание «*чудски(о)й могильник*», которое оформляется авторами то как топоним (*Чудской могильник* в Глазовском уезде у починка Силятский²⁷), то как термин (*чудский могильник* у Всеволодоблагодатска²⁸). Есть и указания на *чудские кладбища* (к примеру, в Глазовском уезде²⁹). Интересно, что чудь могла восприниматься как «забудущие родители»,³⁰ о чем свидетельствует такой обычай: в Семик дети носят на чудские кладбища блины и оставляют их там, приговаривая: «Помяни, господи,

¹⁵ См.: Чудной народ, или Загадочная яма на границе района. URL: <https://www.verinfo.ru/index.php/proekty/item/130-chudnoj-narod-ili-zagadochnaya-yama-na-granitse-rajona> (дата обращения: 08.06.2023).

¹⁶ См.: Попов Н. С. Хозяйственное описание Пермской губернии по гражданскому и естественному ее состоянию в отношении к земледелию, многочисленным рудным заводам, промышленности и домоводству, сочиненное сообразно начертанию Императорского Вольного экономического общества, высочайше одобренному и тщанием и иждивением одного общества изданному. СПб., 1811. Ч. 1. С. 61. Ширф (шурф) — ‘разведочная дудка, яма, копань; колодец напыток, для разведки залежек и отыскания руд и др. ископаемых’ [Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1955. Т. 4. С. 669].

¹⁷ См.: Кривошеков И. Я. Словарь географическо-статистический Чердынского уезда Пермской губернии: с приложением карты бассейна р. Камы и иллюстрациями. Пермь, 1914. С. 108.

¹⁸ Сергеев С. И. Указ. соч.

¹⁹ См.: Традиционная культура русского крестьянства Урала XVIII–XIX вв. Екатеринбург, 1996. С. 182.

²⁰ Мельников С. Е. О чем говорят географические названия: историко-лингвистические и краеведческие заметки. Л., 1984. С. 191.

²¹ См.: Шукшинцев И. С. Предания о курганах Оренбургской губернии // Труды Оренбургской ученой Архивной Комиссии. 1900. Вып. 6. С. 131.

²² См.: Сергеев С. И. Указ. соч.

²³ См.: Первухин Н. Г. Указ. соч. С. 155–156.

²⁴ См.: Моисеев Б. А. Местные названия Оренбургской области. Историко-топонимические очерки. Оренбург, 2013. С. 168.

²⁵ Сергеев С. И. Указ. соч.

²⁶ См.: Зырянов А. Н. Курганы и городища в Шадринском уезде Пермской губернии и находки в них // Записки Уральского общества любителей естествознания. Екатеринбург, 1883. Т. 7, вып. 3. С. 74.

²⁷ См.: Первухин Н. Г. Указ. соч. С. 129.

²⁸ Ныне Североуральский городской округ Свердловской области. См.: Кривошеков И. Я. Указ. соч. 1910. С. 10.

²⁹ См.: Первухин Н. Г. Указ. соч. С. 142.

³⁰ См.: Штырков С. А. Предания об иноземном нашествии: крестьянский нарратив и мифология ландшафта (на материалах Северо-Восточной Новгородчины). СПб., 2012. С. 171.

чудского дедушку, чудскую бабушку», «Помяни, господи, *чудака NN*». ³¹ Эта деталь нам будет важна для описания старых людей далее.

Важно отметить, что *чудские кладбища* могли быть, по сути, равны *кладам*, то есть содержали в себе, по преданиям, клады (что обусловлено в значительной степени и внутригнездовой ремотивацией *клад* ↔ *кладбище*). Отсюда многочисленные нарративы о тех, кто решался разрывать чудские кладбища или могилы в поисках кладов. ³² В связи с этим интересно и сочетание «чудская кладка» (Глазовский уезд). ³³ Как уже говорилось, *чудские клады* считаются заговоренными, о чем говорит, к примеру, предание о Золотом камне в бассейне Вишеры: «В горе скрыты чудские клады, окарауливаемые нечистой силой». ³⁴

Можно привести еще множество примеров «чудской» лексики, но те наиболее характерные факты, которые представлены выше, достаточны для реконструкции языкового облика чуди в его «горщицкой» ипостаси.

Дивьи люди

Предание о народе, который называется «*дивьи люди*», записал на Южном Урале знаменитый этнограф Н. Е. Ончуков: «*Дивьи люди* живут в Уральских горах, выходы в мир имеют через пещеры, в заводе в Каслях, ³⁵ по Луньевской железнодорожной ветке они выходят из гор и ходят между людьми, но люди их не видят. Культура у них величайшая, и свет у них в горах не хуже солнца. *Дивьи люди* небольшого роста, очень красивы и с приятным голосом, но слышать их могут только избранные. Они предвещают людям разные события. Рассказывают, что в селах Белослущком, Зайковском и Строгановке в полночь слышится звон; слышали его только люди хорошей жизни, с чистой совестью, такие люди слышат звон и идут на площадь к церкви. Приходит старик из дивьих людей и рассказывает о событиях, и предсказывает, что будет. Если приходит на площадь недостойный человек, он ничего не видит и не слышит». ³⁶ Связь *дивьих*

людей с подземным миром, горами, заводом говорит об их возможной принадлежности к горной мифонимии.

Слово «*дивьи*» следует соотносить со старорус. «*дивый*» 'первобытный или стоящий на низких ступенях общественного развития (о народе, племени); не обращенный в веру (христианскую)': «Не безсилимъ [Российское царство] *дивья народы*, казанския, астраханския и сибирския царства и иныя... страны укроти» (Ф. Прокопович, 1709). ³⁷ *Дивый (дивый)* — из прасл. **divъjь* (**divъjь*); в этом гнезде сочетаются значения 'дикий, первобытный', 'неодомашненный (о животных)', 'дикорастущий (о растениях)', 'безлюдный, неосвоенный'; при этом прасл. **divъ* расценивается как производное с суффиксом -*ъ* от той же основы, что в **di-къ*, рус. *дикий*. ³⁸

Разумеется, фонетическое тождество с лексикой из другого (гетерогенного) гнезда на *див-* ('диво', 'дивиться') ³⁹ обуславливает притяжение этих гнезд, которое подпитывается и смысловой близостью (по формуле «*дивьи = дикие люди удивительны*»). Рассказы о «баснословных» *дивьих (дивных)* людях (пигмеях, «псиголовцах», «людях мохнатых от пупа до долу» и проч.) встречаются в древнерусской книжности. ⁴⁰ Значимость представлений такого рода побудила авторов «Славянских древностей» включить в словарь статью «Дикие (дивьи) люди». ⁴¹

Картина усложняется тем, что слово «*диво*» — как изначально (этимологически) «визуальное» чудо — сближается собственно с *чудом* (этимологически «аудиальным»). Отсюда идет возможность смыслового притяжения *дивьих* людей и *чуди, чудаков*. Такое притяжение проявляется, к примеру, в позднейших (современных) текстах, созданных по законам «неоязычества», например, характерная статья с говорящим названием «Дивьи люди, чудской

³⁷ Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1977. Вып. 4. С. 244.

³⁸ См.: Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. М., 2019. Т. 13. С. 360, 361.

³⁹ Глагол дивить(ся) 'удивлять(ся)' — из прасл. **diviti*, **divjъ* 'смотреть с удивлением', которое сближают с и.-е. **dei-*, **deia-*, **dī-* 'блестеть, мерцать, светить'. См.: Аникин А. Е. Указ. соч. Т. 13. С. 362, 363.

⁴⁰ См. об этом: Анучин Д. Н. К истории ознакомления с Сибирью до Ермака (Древнее русское сказание «о челоуѣцѣхъ незнаемыхъ въ восточнѣй странѣ»): археолого-этнографический этюд. М., 1890. С. 17–20, 63, 64.

⁴¹ Белова О. В. Дикие (дивьи) люди // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. М., 1999. Т. 2. С. 92, 93. Опираясь на новейший словарь А. Е. Аникина (см. выше), мы несколько иначе рассматриваем этимологические отношения *диких* и *дивьих* людей, чем в указанной работе О. В. Беловой.

³¹ Смирнов И. Н. Пермьяки: историко-этнографический очерк. Казань, 1891. С. 125. Записано в селе Гидаево в Верхотурье и в селе Зюздино Глазовского уезда.

³² См.: Предания и легенды Урала: фольклорные рассказы. Свердловск, 1991. С. 29.

³³ См.: Первухин Н. Г. Указ. соч. С. 151.

³⁴ Кривошеков И. Я. Указ. соч. 1914. С. 380.

³⁵ Речь идет о Каслинском металлургическом заводе (г. Касли) в 110 км южнее Екатеринбурга.

³⁶ Записано в 1927 г. от К. Ф. Коняева в Свердловске. См.: Ончуков Н. Е. Из уральского фольклора // Сказочная комиссия в 1927 г. Л., 1928. С. 28, 29.

народ и Уральская Гиперборея».⁴² Подробнее те же идеи изложены в публикации В. Н. Дёмина.⁴³ Есть ли надежные примеры в собственно народной традиции?

Рассмотрим любопытный пример: ряд чердынских топонимов, с которыми связаны топонимические предания. Книга путешественника и историка В. Н. Берха, побывавшего «на месте событий» в начале XIX в., позволяет воссоздать следующую картину. На реке Колве в Чердынском уезде, неподалеку от деревни Ветлан, стоит скала *Бобыльский камень*, у которой находится *чудское городище*, «остатки древнего укрепления». Местные жители рассказывали Берху, что там находили клады, «заколдованные чудские деньги». Напротив Бобыльского камня есть *Девья гора (Девий камень)*, а в ней *Девья (Дивья) пещера*. По местным преданиям, «девы» названия связаны с тем, что здесь жила Дева, управлявшая чудью. Она сидела на вершине своего камня и сучила шелк, а когда кончалось веретено, бросала его на Бобыльский камень, в подарок «тамошним девицам».⁴⁴ Есть и другой вариант преданий, где пару к Деве составляет Ветлан: Ветлан и Дева любили друг друга, река преграждала им путь друг к другу. Тогда Дева бросилась через реку к Ветлану, но разбилась, а он от печали окаменел.⁴⁵ О фольклорных параллелях к образу девы-богатырши пишет В. П. Кругляшова.⁴⁶ Нам же интересна лингвистическая сторона вопроса, а именно мотивация *Девьей горы (камня, пещеры)*. Из приведенных выше примеров следует, что, помимо варианта на *дев-* (известного с XVII в.⁴⁷), есть вариант на *див-*. Подобные варианты повторяются в других фиксациях. Так, в «Географическом и статистическом словаре Пермской губернии» Н. К. Чупина даются только формы на *-и-*: *Дивей камень, Дивья гора, Дивья пещера*.⁴⁸ Форма на *-и-* закрепилась и в современном «официально-рекламном» дискурсе: *Дивья пещера*

является туристическим объектом, о ней есть статья в Википедии, где указано, что «свое название пещера получила от славянского слова *дивий* ‘дивный, чудесный’».⁴⁹ Какой вариант происхождения этих топонимов стоит считать первичным — от *дев-* или от *див-*?

Фонетически допустима первичность обоих вариантов, при этом связь с девой тоже может реализоваться с помощью огласовки на *-и-*, ср. новг., олон., перм. *дѣвий* — ‘девичий’.⁵⁰ Как быть с семантикой? Если предположить изначальную мотивацию с участием *дивий* — ‘дикий’ (см. выше), то можно считать, что в основу названия положен какой-либо признак из семантического комплекса ‘дикорастущий (о растениях)’, ‘безлюдный, неосвоенный’, ‘дикий, первобытный’. При этом признаки неосвоенной природы могут выступать и в комплексе. Именно такую мотивацию (по признаку «дикости») для *Дивьего камня* и *Дивьей пещеры* предложила Е. Н. Полякова, весьма убедительно ее обосновав.⁵¹

Для раскрытия нашей темы эффективным ходом было бы и предположение о том, что топоним отражает признак не «природной дикости», а «человеческой», то есть первобытности: это можно было бы связать с *чудскими городищами*. Иначе говоря, можно выдвинуть гипотезу о том, что *на одном берегу находятся «чудские» объекты, а на другом — «дивьи»*.

Определенная вероятность «дивьих» мотивировок есть, но более предпочтительной представляется другая версия, основанная на первичности *дев-*, на что указывает реконструкция связей внутри семантической микросистемы. Возможно, в такую микросистему объединены топонимы *Бобыль (Бобыльский камень)* и *Девий камень*, называющие объекты, находящиеся напротив друг друга. Ороним Бобыль реализует вполне продуктивную в топонимической номинации метафорическую модель, служащую для обозначения одиноко стоящих камней («тот, кто не имеет пары, холостяк»), а *Девий камень* продолжает тему с помощью образа незамужней девушки. Особую роль играет нахождение камней на разных берегах реки, на что указывают многочисленные и варьирующие паремии типа «Два братца в воду глядятся, а вместе не сойдутся» (берега

⁴² См.: Субботин Н. Дивьи люди, чудской народ и Уральская Гиперборея. URL: <http://www.rufors.ru/news/history/110-diva-people.htm> (дата обращения: 08.06.2023).

⁴³ Дёмин В. Н. Уральская Гиперборея. М., 2012.

⁴⁴ Берх В. Н. Путешествие в город Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей. Пермь, 2009. С. 163, 165, 168.

⁴⁵ См.: Белдыцкий Н. П., Шилов В. В., Чагин Г. Н. Ныробский узник. Березники, 1991. С. 44, 45.

⁴⁶ См.: Кругляшова В. П. Указ. соч. С. 98, 99.

⁴⁷ См.: Полякова Е. Н. Коми наследие в лексике русских говоров Пермского края // Живая речь Пермского края в синхронии и диахронии: материалы и исследования. Пермь, 2009. Вып. 3. С. 179.

⁴⁸ См.: Чупин Н. К. Географический и статистический словарь Пермской губернии. Пермь, 1873. С. 454.

⁴⁹ Дивья пещера // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Дивья_пещера (дата обращения: 05.06.2023).

⁵⁰ См.: Опыт областного великорусского словаря, изданный II отделением Императорской академии наук. СПб., 1852. С. 47.

⁵¹ См.: Полякова Е. Н. Указ. соч. С. 182.

реки). Одному из авторов этой статьи пришлось вести наблюдения над парой *Ивана и Марьи* в топонимии: получилось, что топонимические *Иван* и *Марья* (в отличие, скажем, от *Бабы* и *Деда*) располагаются на разных берегах рек, напротив друг друга.⁵²

Таким образом, рассмотренный пример говорит о том, что основания для связи топонимической *Дивьей пещеры* (*Дивьего камня*) с *дивьими людьми* весьма зыбки. Кажется, то же можно сказать о других топонимах на *див-*, которые встречаются на Урале (и не только на Урале). Очевидно, *дивьи люди* — устаревшее наименование, характерное скорее для книжности, нежели для устной традиции; по крайней мере, в аутентичных уральских фольклорных текстах и словарях, отражающих народную традицию, оно фигурирует крайне редко (см. текст, записанный Ончуковым).

Старые люди

Стары люди — еще одно название древнего населения Урала, встречающееся в районе Полевского и Сысерти Свердловской области и на Южном Урале. *Стары люди*, так же, как *чудь*, добывали руду и самоцветы. Предания о Гумёшевском медном руднике, основанном еще *старыми людьми*, слышал П. П. Бажов в Полевском заводе, и отразил их в первую очередь в сказе «Дорогое имячко»: «Это еще в те годы было, когда тут *стары люди* жили. На том, значит, пласту, где поддёрново золото теперь находят»; «Были они не русьски и не татара, а какой веры-обычая и как прозывались, про то никто не знает. <...> Однем словом, *стары люди*. Домишек у них либо обзаведенья какого — банёшек там, погребушек — ничего такого и в заводе не было. В горах жили» и др.⁵³ *Стары люди* добывали самородную медь, а к золоту были равнодушны, используя золотые самородки для охоты на крупного зверя. В сказе говорится о том, как *старые люди* были вынуждены уйти из своих мест именно потому, что появились охотники за золотом; перед уходом они спрятали в горе свои сокровища, «закрыв» гору от постороннего вмешательства. Об этом Бажов пишет и в очерке «У старого рудника»: «Тогда *стары люди* запрятали золото в Азов-гору, медь в Гумешки вбухали и место утоптали, как *гумно* сделали».⁵⁴

Предания о *старых людях* можно услышать и от современных информантов: «*Старые люди* давно здесь жили в пещере на Азов-горе. Потом ушли на юг, но каждое лето сюда возвращались, чтобы посетить свои места родовые и за рудой. Тогда еще все их ходы подземные были открыты» (Полевской) [ЛТЭК]. В сказе С. К. Власовой «Клады Копань-горы»⁵⁵ *старые люди* добывали самоцветы. Царские воеводы прослышали про несметные богатства горы и решили ею завладеть: напали с войском на старых людей, многих перебили, многие сами ушли — и унесли с собой самоцветы (либо спрятали их в горе).⁵⁶ Не случайно в некоторых местах на Урале *чудские курганы* называют *стариковскими могилами*.⁵⁷

Суксуны

В башкирском фольклоре встречается мифический народ *суксуны/соксоны* (очевидно, от башк. *соксоноу* — ‘копаться, рыться’⁵⁸). В ряде случаев о суксунах знает и русское население Башкирии. *Суксуны* сродни *старым людям* уральских преданий, изображающих их то великанами, то крошечными существами, которые владеют несметными богатствами, охраняют их, являются знатоками земельных недр и ходят под землей по только им известным ходам.⁵⁹ Башкирские шахтеры считают *суксунов* своими тотемными предками и первыми на земле рудознатоками. Подобно *чуди*, *суксуны* «выкопали в марах глубокие ямы. Там они и хоронились, чтобы их не погубили враги».⁶⁰ От них остались многочисленные следы, указывающие на месторождения: «Старатели рассказывают, что в незапамятные времена соксоны, добывая чистое золото, перемалывали руду и камни в своих ступах, и там, где отыщется ступа или пестик *соксона*, непременно должно находиться и золото».⁶¹

⁵⁵ Сегодня гора называется Копаная, она находится в Сысертском районе Свердловской области.

⁵⁶ См.: Власова С. К. Сказание о Щелкане и Сулее. Челябинск, 1961. С. 99, 100.

⁵⁷ См.: Лазарев А. И. Предания рабочих Урала как художественное явление. Челябинск, 1970. С. 51.

⁵⁸ См.: Башкирско-русский словарь. М., 1958. С. 477.

⁵⁹ См.: Ахметшин Б. Г. Несказочная проза горнозаводского Башкортостана и Южного Урала: дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 1998. С. 165.

⁶⁰ Записано в 1966 г. в пос. Первоначан Хайбуллинского района от М. Т. Сологуба, 1896 г. рожд. См.: Ахметшин Б. Г. Указ. соч. С. 166.

⁶¹ Записано в 1966 г. в д. Исянбетово Баймакского района от Р. М. Мухаметова, 1907 г. рожд. См.: Ахметшин Б. Г. Указ. соч. С. 165.

⁵² См.: Березович Е. Л. Язык и традиционная культура: этнолингвистические исследования. М., 2007. С. 289.

⁵³ См.: Бажов П. П. Малахитовая шкатулка. М.; Екатеринбург, 2019. С. 9–11.

⁵⁴ Там же. С. 738.

Шайтаны

В Режевском районе Свердловской области бытуют предания о *шайтанах*. По мнению местных жителей, это народ, который жил здесь до русских: «Говорят, что до того, как русские пришли на эти земли, здесь обитал совсем другой народ. По легенде, этот народ назывался *шайтаны*. Народ этот жил обособленно, нелюдимы они были».⁶² «В деревне нашей испокон веков есть горка <Епишкина>. Мать мне рассказывала, а ей ее мать, и так далее, что это не просто гора, а *шайтаны* там всякие обряды совершали. И в горку эту вход был, да они когда уходили, засыпали там все, чтобы никто их секретов не знал».⁶³

Для нас особенно важна связь шайтанов с золотом. Старожилы рассказывают, что шайтаны были язычниками, приносили своим богам различные дары, в том числе золото: «И складывали все это в некий грот у основания скалы. Как люди говорят, там целая пещера с золотом».⁶⁴ Мифические шайтаны очень напоминают чужь: они жили в пещерах или в горах, после прихода русских засыпали свои сокровища и ушли.

Общепонимное слово «*шайтан*» напрямую отсылает к нечистой силе. Слово заимствовано из тюркских языков, где оно также означает 'черт'.⁶⁵

Отметим, что все предания о шайтанах записаны в селе Октябрьском (бывш. *Шайтанка*), которое получило название по камню *Шайтан*. Ср.: «Когда-то давным-давно, когда люди были язычниками и не было еще христианства, около Шайтан-камня обитал народ, называемый *шайтанами*».⁶⁶ Топонимы, образованные от слова «*шайтан*», распространены по всему Уралу (и шире). А. К. Матвеев отмечает, что их обычно связывают с манси: «Топонимы такого рода прежде всего отражают отношение тюрков-мусульман, (а также и русских переселенцев, поскольку они тоже усвоили слово *шайтан*) к местам религиозного поклонения язычников-манси, но могут относиться к самим тюркам».⁶⁷ В «шайтанских»

преданиях есть мотив языческих культов, поэтому вполне вероятно, что «прототипическим» народом для описываемых нами *шайтанов* являются манси. Нельзя исключить и оттопонимического происхождения мифонима, поскольку предания о народе «*шайтаны*» на других территориях пока не зафиксированы. Мотивы же «шайтанских» преданий могли быть заимствованы из «чудских».

О популярности мифонима среди местного населения говорит тот факт, что слово закрепилось в идиоме: «Если что-то не клеится, не получается, если умирает кто-то, в деревне до сих пор говорят: ...*Всё, к шайтанам ушли*».⁶⁸

Шуты

Еще один мифический народ — *шуты* — тоже имеет общие черты с чужью. Он упоминается в южноуральских преданиях: «В старые времена, много лет тому назад в здешних местах жили какие-то неизвестные люди (*шуты*, как их здесь зовут), жили они в землянках, или балаганах; когда появились христиане, т. е. русские, то шуты эти перепугались их, забрались в свои балаганы и нарочно обрушили их на себя, отчего и образовались курганы, называемые здесь *древние горки, горки и ямы*» (с. Новокумлякское Троицкого уезда Оренбургской губернии).⁶⁹ Что касается мотивации, то здесь есть два слоя. С одной стороны, *шуты* реализуют тот же признак, что и *чудаки*, — странности, нелепости, первобытности, вызывающей усмешку. С другой стороны, слово «*шут*» в диалектном (в том числе уральском) употреблении может отсылать к нечистой силе: «*шут*» — 'всякая нежить, домовый, леший, водяной'⁷⁰ и др.; ср.-урал. «*Шутя те в руки*» — 'черт возьми';⁷¹ по этой же модели образовано ср.-рус., юж.-рус. «*игрѣц*» — 'нечистый или злой дух, бес; домовый'.⁷²

Итак, в статье рассмотрены уральские горные мифонимы, являющиеся названиями легендарных народов: *чужь, дивьи люди, стары люди, суксуны (соксуны), шайтаны, шуты*. В некоторых случаях для них могут быть указаны народы-прототипы или обобщенные

⁶² Записано от жительницы с. Октябрьского Е. Г. Ежовой. См.: Першина Е. Н. Легенды и предания Шайтанки. Реж, 2021.

⁶³ Записано от жителя с. Октябрьского В. П. Першина. См.: Першина Е. Н. Указ. соч.

⁶⁴ Записано от жительницы с. Октябрьского Л. М. Мукалиной. См.: Першина Е. Н. Указ. соч.

⁶⁵ См.: Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири... С. 685.

⁶⁶ Записано от жительницы с. Октябрьского Л. М. Мукалиной. См.: Першина Е. Н. Указ. соч.

⁶⁷ Матвеев А. К. Географические названия Урала: топонимический словарь. Екатеринбург, 2008. С. 318.

⁶⁸ Записано от жительницы с. Октябрьского Е. Н. Куимовой (Першиной) в 2023 г. [ЛТЭК].

⁶⁹ Шукшинцев И. С. Указ. соч. С. 131. См. также: Лазарев А. И. Указ. соч. С. 43.

⁷⁰ Даль В. И. Указ. соч. Т. 4. С. 670.

⁷¹ Словарь русских говоров Среднего Урала. Свердловск, 1988. Т. 7. С. 61.

⁷² Словарь русских народных говоров. Л., 1977. Вып. 12. С. 70.

группы таких народов (для *чуди*, скорее всего, вымершие финно-угорские племена); в других случаях номинации (в языке-источнике) отражают признаки дикости, первобытности (*дивьи люди*), предшествования нынешним народам (*старые люди*), типичных действий (*суксуны*).

Языковые факты и стоящие за ними верования и фольклорные тексты образуют достаточно жесткую систему, в которой наблюдаются разного рода взаимодействия. Это, во-первых, языковые аттракции, причем эти аттракции могут работать не только на фонетико-смысловом уровне (притяжения типа *чудь* ↔ *чудо*, *дивьи люди* ↔ *диво*), но и на сугубо смысловом, о чем говорит возможность влияния

чудь ↔ *дивьи люди*. Во-вторых, несомненно взаимодействие фольклорных мотивов, из которых самым распространенным оказывается локативный — проживание в горах, курганах и проч.; далее идут мотивы хранения кладов, самозахоронения в землянках. Более редкими (но тоже повторяющимися) являются мотивы «животного» копания в земле, умения плавить металл, оставления после себя материальных следов, указывающих на возможные месторождения. Обилие языковых и культурных пересечений говорит, с одной стороны, о влиянии «родового», «архетипического» образа *чуди* на другие образы, а с другой — о выкристаллизованности того комплекса представлений, которые питают изучаемые образы.

Elena L. Berezovich

Member of the RAS, Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: berezovich@yandex.ru

Elena E. Ivanova

Candidate of Philological Science, Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: paklina.len@yandex.ru

MORE ON RECONSTRUCTING THE MYTHICAL PEOPLES' NAMES
IN THE MOUNTAIN MYTHONYMY OF THE URALS

The article analyzes the mountain mythonymy of the Urals. Mythonyms are names for supernatural anthropomorphic beings that guard treasures of the earth (minerals and metals) and aid (or interfere with) their discovery, extraction, and carving. This article concerns mythonyms motivated by the names of the peoples who, as legends say, were the most ancient population of the region and used to live in the mountains, pits, barrows, etc. The authors use the material from dialect dictionaries, folklore texts, travellers' notes, etc.; in addition, part of the material was collected during the 2020–2023 expeditions. The research is based mostly on the data from the Western, Middle and Southern Urals. Special attention is paid to toponyms and appellative landscape terms. The authors analyze the motivations behind the mythonyms, as well as the cultural context connected with the names. The following mythonyms are studied: *чудь* (*chíúď*), *дивьи люди* (*dív'i líúdi*), *стары люди* (*stáry líúdi*), *суксуны* (*соксуны*) (*suksuny' (soksuný)*), *шайтаны* (*shaitány*), *шуты* (*shutý*). In some cases, «prototype» peoples or generalized groups of such peoples may be indicated for them (for *чудь*, most likely, extinct Finno-Ugric tribes); in other cases, the nominations (in the source language) reflect signs of “savagery”, primitiveness (*дивьи люди*), antecedence to current peoples (*стары люди*), typical actions (*суксуны*). Linguistic facts and the beliefs and folklore texts behind them form a fairly rigid system in which various kinds of interactions are observed: language attractions; the interaction of folklore motifs, of which the most common is locative — living in mountains, mounds, etc.; further, the motives of storing treasures, self-burial in dugouts.

Keywords: *mythonymy, semantic reconstruction, etymology, ethnolinguistics, Russian dialect vocabulary, Urals*

REFERENCES

- Akhmetshin B. G. *Neskazochnaya proza gornozavodskogo Bashkortostana i Yuzhnogo Urala: dokt. diss.* [Non-Fairy Tale Prose of the Mining Bashkortostan and the Southern Urals: Diss. Doc.]. Ufa, 1998. (in Russ.).
- Anikin A. E. *Etimologicheskiy slovar' russkikh dialektov Sibiri: Zaimstvovaniya iz ural'skikh, altayskikh i paleoaziatskikh yazykov* [Etymological Dictionary of Russian Dialects of Siberia: Borrowings from the Ural, Altai and Paleo-Asian Languages]. Moscow; Novosibirsk: Nauka Publ., 2000. (in Russ.).
- Anikin A. E. *Russkiy etimologicheskiy slovar'* [Russian Etymological Dictionary]. Moscow: In-t rus. yaz. im. V. V. Vinogradova RAN; In-t filologii Sibirskogo otdeleniya RAN Publ., 2019, vol. 13. (in Russ.).

- Bashkirsko-russkiy slovar'* [Bashkir-Russian Dictionary]. Moscow: Gos. izdat. inostrannykh i natsional'nykh slovarey Publ., 1958. (in Bashkirian, Russ.).
- Belova O. V. [Wild (Div'i) People]. *Slavyanskiye drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar' v 5 t.* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary in 5 Vols.]. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya Publ., 1999, vol. 2, pp. 92–93. (in Russ.).
- Berezovich E. L. [Chud']. *Slavyanskiye drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar' v 5 t.* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary in 5 Vols.]. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya Publ., 2012, vol. 5, pp. 560–562. (in Russ.).
- Berezovich E. L. [Some Aspects of the Concept of Miracle in the Language and Folklore Tradition of the Russian North]. *Kontsept chuda v slavyanskoy i yevreyskoy traditsii* [The Concept of Miracle in the Slavic and Jewish Traditions]. Moscow: "Probel–2000" Publ., 2001, pp. 95–116. (in Russ.).
- Berezovich E. L. *Russkaya toponimiya v etnolingvisticheskom aspekte: Mifopoeticheskiy obraz prostranstva* [Russian Toponymy in the Ethnolinguistic Aspect: Mythopoetic Image of Space]. Moscow: KomKniga Publ., 2010. (in Russ.).
- Berezovich E. L. *Yazyk i traditsionnaya kul'tura: etnolingvisticheskiye issledovaniya* [Language and Traditional Culture: Ethnolinguistic Studies]. Moscow: Indrik Publ., 2007. (in Russ.).
- Berezovich E. L., Ivanova E. E. [Toward the Reconstruction of the Mountain Mythonym System of the Urals: A General Overview]. *Etnolingvistika. Onomastika. Etimologiya: Materialy V Mezhdunar. nauch. konf. (Ekaterinburg, 7–11 sentyabrya 2022 g.)* [Ethnolinguistics. Onomastics. Etymology: Proceedings of the 5th International Sci. Conf. (Ekaterinburg, September 7–11, 2022)]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta Publ., 2022, pp. 18–26. (in Russ.).
- Berezovich E. L., Ivanova E. E. [More on Reconstructing Mountain Mythonyms of the Urals: Mythonyms Motivated by Inanimate Nature Vocabulary]. *Antropologicheskij forum* [Anthropological Forum], 2023, no. 58, pp. 209–246. DOI: 10.31250/1815-8870-2023-19-58-209-246 (in Russ.).
- Demin V. N. *Ural'skaya Giperboreya* [Ural Hyperborea]. Moscow: Veche Publ., 2012. (in Russ.).
- Ivanova E. E. [Toponymic Legends of Ural Amateur Miners]. *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics], 2022, vol. 19, no. 2, pp. 177–196. DOI: 10.15826/vopr_onom.2022.19.2.022 (in Russ.).
- Kruglyashova V. P. *Zhanry neskazochnoy prozy ural'skogo gornozavodskogo fol'klora* [Genres of Non-Fairy Tale Prose of Ural Mining Folklore]. Sverdlovsk: Izd-vo Ural. un-ta Publ., 1974. (in Russ.).
- Lazarev A. I. *Predaniya rabochikh Urala kak khudozhestvennoye yavleniye* [Legends of the Workers of the Urals as an Artistic Phenomenon]. Chelyabinsk: Yuzhno-Ural'skoye knizhnoye izdatel'stvo Publ., 1970. (in Russ.).
- Matveev A. K. *Geograficheskiye nazvaniya Urala: Toponimicheskii slovar'* [Geographical Names of the Urals: Toponymic Dictionary]. Ekaterinburg: Sokrat Publ., 2008. (in Russ.).
- Maydanova L. M. [Areas of Finno-Ugric Ethnonymy of the Urals]. *Voprosy toponomastiki* [Questions of Toponomastics]. Sverdlovsk: UrGU Publ., 1962, iss. 1, pp. 22–32. (in Russ.).
- Melnikov S. E. *O chem govoryat geograficheskiye nazvaniya: Istoriko-lingvisticheskiye i krayevedcheskiye zametki* [What Geographical Names Tell Us: Historical, Linguistic and Local History Notes]. Leningrad: Lenizdat Publ., 1984. (in Russ.).
- Moiseev B. A. *Mestnyye nazvaniya Orenburgskoy oblasti. Istoriko-toponimicheskiye ocherki* [Local Names of the Orenburg Region. Historical and Toponymic Essays]. Orenburg: Izd-vo OGPU Publ., 2013. (in Russ.).
- Onchukov N. E. [From Ural Folklore]. *Skazochnaya komissiya v 1927 g.* [Fairy Tale Commission in 1927]. Leningrad: Izdaniye gosudarstvennogo Russkogo geograficheskogo obshchestva Publ., 1928, pp. 27–33. (in Russ.).
- Polyakova E. N. [Komi Heritage in the Vocabulary of Russian Dialects of the Perm Region]. *Zhivaya rech' Permskogo kraya v sinkhronii i diakhronii: materialy i issledovaniya* [Living Speech of the Perm Region in Synchrony and Diachrony: Materials and Research]. Perm: Perm. gos. un-t Publ., 2009, iss. 3, pp. 180–194. (in Russ.).
- Polyakova E. N. *Pamyat' yazyka: Rasskazy o leksike permskikh pamyatnikov pis'mennosti i govorov* [Memory of Language: Stories about the Vocabulary of Perm Written Monuments and Dialects]. Perm: Kn. izd-vo Publ., 1991. (in Russ.).
- Shtyrkov S. A. *Predaniya ob inozemnom nashestvii: krest'yanskiy narrativ i mifologiya landshafta (na materialakh Severo-Vostochnoy Novgorodchiny)* [Legends about Foreign Invasion: Peasant Narrative

and Landscape Mythology (Based on Materials from the North-Eastern Novgorod Region)]. Saint Petersburg: Nauka Publ., 2012. (in Russ.).

Slovar' russkikh govorov Srednego Urala [Dictionary of Russian Dialects of the Middle Urals]. Sverdlovsk: Sredne-Ural'skoye knizhnoye izdatel'stvo Publ., 1988, vol. 7. (in Russ.).

Slovar' russkikh narodnykh govorov [Dictionary of Russian Folk Dialects]. Leningrad: Nauka, Leningr. otdniye Publ., 1977, iss. 12. (in Russ.).

Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. [Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th Centuries]. Moscow: Nauka Publ., 1977, iss. 4. (in Russ.).

Traditsionnaya kul'tura russkogo krest'yanstva Urala XVIII–XIX vv. [Traditional Culture of the Russian Peasantry of the Urals in the 18th–19th Centuries]. Ekaterinburg: UrO RAN Publ., 1996. (in Russ.).

Vlasova E. G. [Chud' in "Scientific Travels" around the Urals at the End of the 18th Century]. *Smyshlyayevskiy sbornik: Issledovaniya i materialy po istorii i kul'ture Permi* [Smyshlyaev Collection: Research and Materials on the History and Culture of Perm]. Perm: Dom Smyshlyayeva Publ., 2010, pp. 58–64. (in Russ.).

Для цитирования: Березович Е. Л., Иванова Е. Э. К реконструкции имен мифических народов в горной мифонимии Урала // Уральский исторический вестник. 2023. № 4(81). С. 132–142. DOI: 10.30759/1728-9718-2023-4(81)-132-142.

For citation: Berezovich E. L., Ivanova E. E. More on Reconstructing the Mythical Peoples' Names in the Mountain Mythonymy of the Urals // Ural Historical Journal, 2023, no. 4(81), pp. 132–142. DOI: 10.30759/1728-9718-2023-4(81)-132-142.